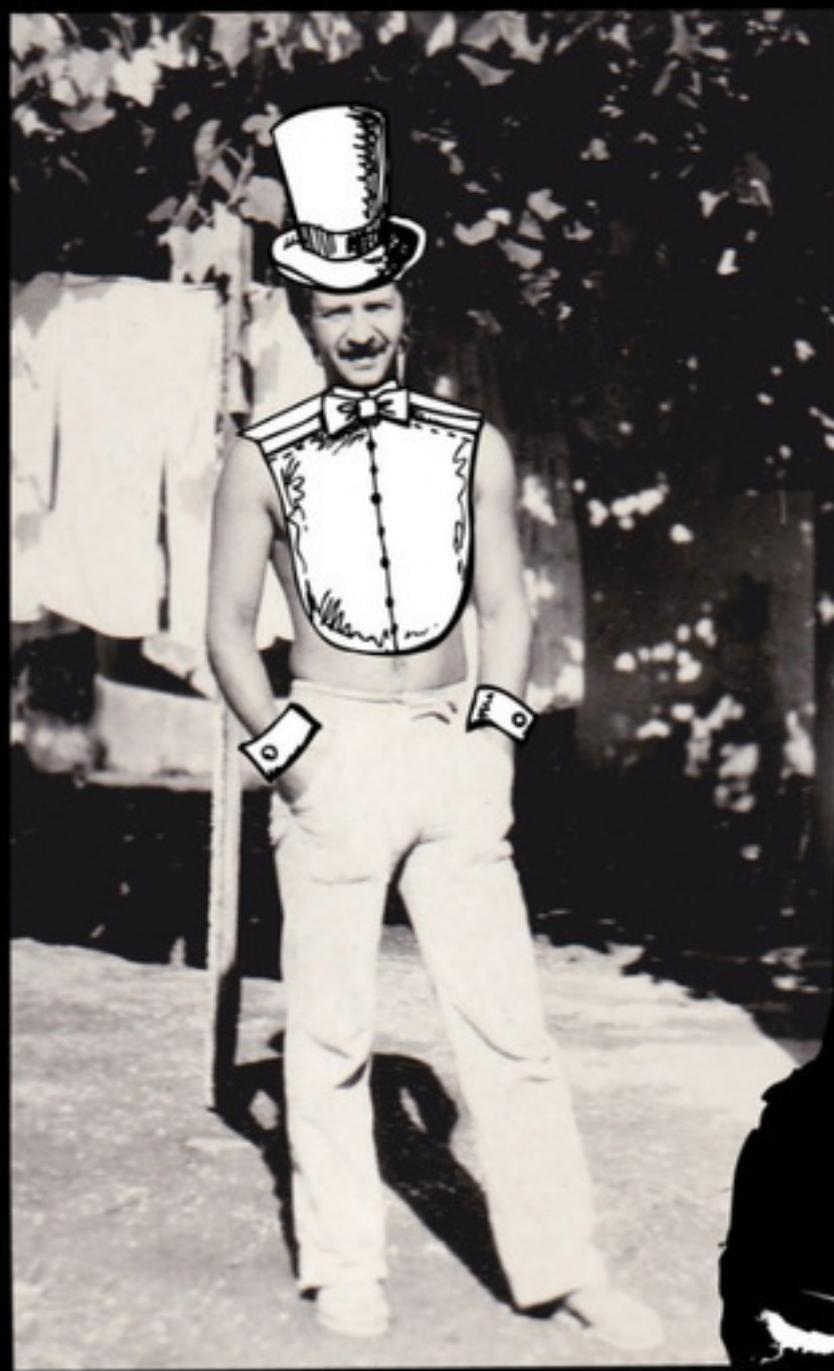

Непридуманнные истории,
рассказанные неумоимым
странником
Сэрэм Энтони Джонсом

Владимир Антонов

Том 1

Владимир Антонов

**Непридуманные истории,
рассказанные неутомимым
странником сэром
Энтони Джонсом. Том 1**

«Автор»

2016

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос)

Антонов В. Н.

Непридуманные истории, рассказанные неутомимым странником сэром Энтони Джонсом. Том 1 /
В. Н. Антонов — «Автор», 2016

ISBN 978-5-7399-0197-9

В данном издании представлены рассказы целеустремленного человека, энергичного, немного авантюрного по складу характера, всегда достигающего поставленных целей, любящего жизнь и людей, а также неутомимого странника сэра Энтони Джонса, он же Владимир Антонов. События, которые произошли с автором в разные годы и в разных точках нашей планеты, повествуют о насыщенной, богатой на приключения жизни. И главное, через свои воспоминания автор напоминает нам о тех людях, которые его окружали в разные годы жизни, которых он любит и помнит!

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос)

ISBN 978-5-7399-0197-9

© Антонов В. Н., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Пролог	7
Как всё начиналось	9
Журавли	10
Тогда в Ангарске	13
Проект карандаши	15
Серые глаза	17
Барахолка	20
Сочинение	22
Солнце, море, ракушки	24
Охота	28
Бешбармак	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Антонов Непридуманные истории, рассказанные неутомимым странником сэром Энтони Джонсом. Том 1

© Антонов В., 2016

© Изabella Глаз, художественное оформление, 2016

* * *

Книга посвящается моей маме – это она меня таким родила, и жене Маринке – она с этим живёт!

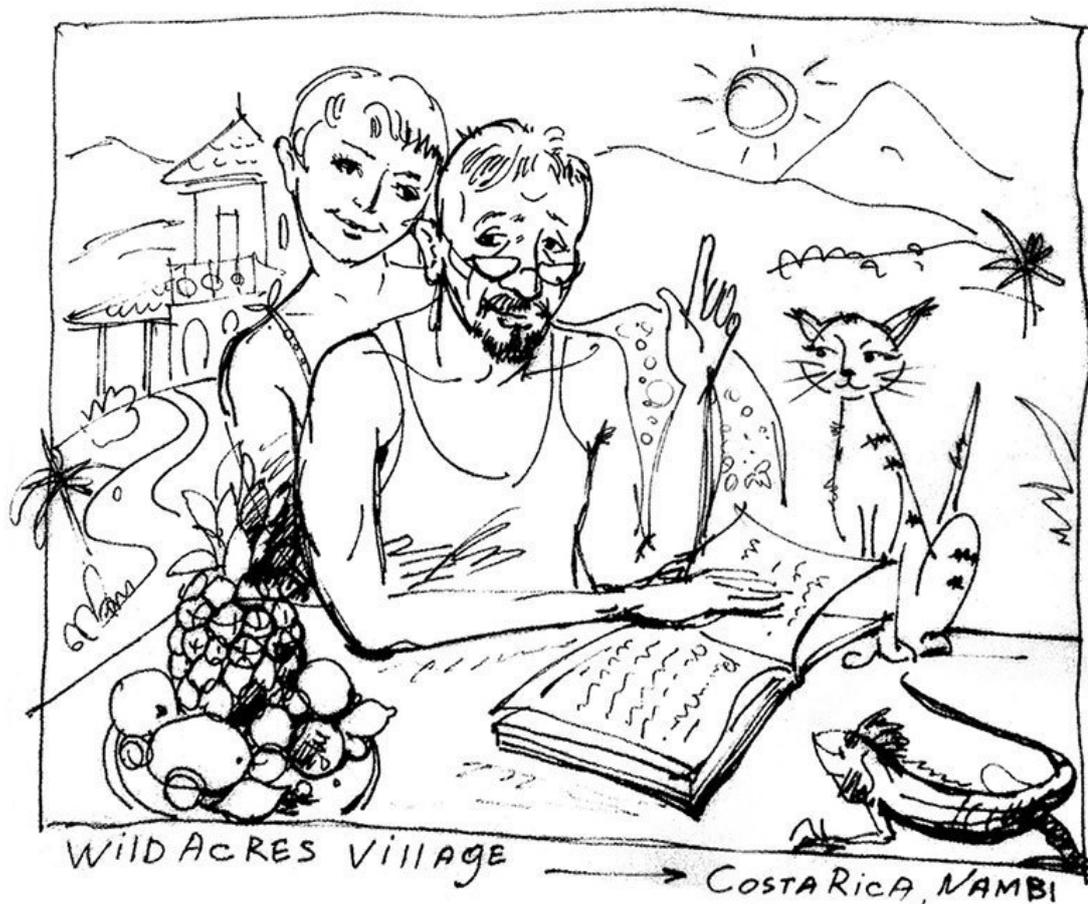
*Жизнь надо прожить так, чтобы в конце можно было сказать:
«Ну, вроде бы всё успел!»*

В. Антонов

Пролог

Я, Владимир Антонов, из семьи военно-пограничного моряка, закончил школу в Ленинграде в 1968. Почти все пятёрки! Поступил в Ленинградский электротехнический институт по спортивному набору на факультет автоматики и вычислительной техники. Почему туда? – Потому что ближе к дому. Лесотехническая «калабаха» была тоже близко, но как-то не так красиво звучала. А тут ЛЭТИ!!! В студенческих кругах в те годы его называли по аббревиатуре эстрадно – танцевальным, потому что из его стен выходили не только скучные технари, но и композиторы с поэтами, юмористы и другие творцы настроения!

Первый курс – без подвигов, а подвигов хотелось. Поэтому на втором – комсомол! Комсорг – секретарь курсового – зам. факультетского – секретарь факультета! За мои подвиги родина наградила меня четырьмя электробритвами «Харьков». По одной в год. И бесконечным количеством грамот. После института оставили на кафедре ПИТ. Наверное, потому что я неплохо играл на гитаре! Да и среди парткомовских был в авторитете. Проработал недолго, всего два года. Мой приятель, с которым я был хорошо знаком по строительным отрядам, позвал начальником в технический отдел в «Прокате измерительной техники». Там были одни женщины – молодые и хорошенькие. Я не смог не согласиться! Почти пять лет в Прокате! Появилась усталость от повседневной рутины и жесткого, с девяти до пяти, графика. Потом началось «вольное плавание» с места на место. Собственный спортивный клуб в ЦПКиО и кооператив «ФАКЕЛ»!

Эйфория от мнимой свободы со временем прошла. «Зажатый» со всех сторон налоговым законодательством, рэкетирами и сотрудниками ОБХСС, решил переехать в «свободную» Америку. Началась новая жизнь! В Советский Союз не вернулся, он закончился, но вернулся посмотреть на новую Россию. В течении последующего десятилетия постоянно перемещался из Америки в Россию и обратно. Много путешествовал, увидел мир. Однажды, посетив недалеко от экватора чудесную страну Коста Рику, был сражён ею, и тут же переехал. И опять началась новая жизнь! Развёл плантации с ценной древесиной и стада домашнего скота. Построил деревню Антоновка для «наших», кто говорит по-русски. Живу с любимой женой в этой деревне и, вспоминая на досуге прошлое, пишу невыдуманные рассказы – истории под псевдонимом Энтони Джонс!

Как всё начиналось

Я заядлый болельщик с пятидесятишестилетним стажем. Каждую победу своей любимой команды я восторженно праздную в душе или по всамделишному. Поражение надолго лишает меня смысла жизни. Всё тускнеет, и становится грустно. Жена ругается, глядя на меня. Команду зовут «Зенит». Я мучаюсь всю жизнь и только дважды был с ней по-настоящему счастлив. В чемпионском 1984-м и в 2008-м. УЕФА! Вот и тогда я второй день пытался понять, что произошло. Они опять проиграли! И кому?! Ночью я проснулся, озарённый разгадкой. Чтобы не забыть, тут же записал и успокоенный уснул. Вот этот рассказик.

Весна 2004 года. Финал Кубка Европейских Чемпионов. В финале играет команда «Порто», а в ней блистает российский нападающий Дмитрий Аленичев. Игра заканчивается, нервы на пределе, и Аленичев забивает гол – красавец. Главный гол в своей футбольной карьере!

Будущий великий тренер Хосе Мауриньо и его молодой ассистент Виллаш Боаш бегут по полю к Диме, обнимают, ликуют. Мауриньо что-то ему говорит на ухо. На следующий день все спортивные издания вышли под заголовком: «Что сказал Мауриньо?». А Мауриньо сказал просто: «Дима, я твой должник!», – и уехал с Боашем в Лондон добывать вместе с «Челси» новые трофеи. Аленичев вернулся в родной «Спартак», где скоро закончил карьеру футболиста.

Осень 2014 года. Прошло десять лет. Петербургский «Зенит» принимает в кубковом матче Тульский «Арсенал». Первый тайм закончился. Счёт 2–0 в пользу «Зенита», да и не может быть иначе – слишком велика разница в классе. Но во втором тайме вдруг картина поменялась. Разница в классе стёрлась. Счёт 2–3! «Арсенал» в четвертьфинале, поздравляем!

Вот так через десять лет тренер «Зенита» Виллаш Боаш вернул долг за себя и Мауриньо тренеру «Арсенала» Дмитрию Аленичеву. Вернул по-мужски, по-нашему, красиво и с достоинством. Bravo!

Именно, с этого маленького рассказа и начались мои бессонные ночи. Я написал их больше семидесяти и продолжаю писать. Они правдивые, ироничные и смешные. В своём большинстве они обо мне и моей жизни.

Коста Рика, 11.11.14.

Журавли

Место действия – крайний север! Посёлок Кувшинка, недалеко от Североморска. Здесь расположена база пограничных кораблей. Мой отец, тогда ещё капитан-лейтенант пограничного флота СССР, командовал небольшим кораблём. Жили мы в маленьком деревянном домике с удобствами... в море! На севере везде так. До «удобств» метров восемьдесят. Сначала по суше, потом по мосткам, в самом конце будка с дыркой над Баренцевым морем. Мне шесть лет, и я уже признанный талант! Правда, я ещё этого не знаю. Я догадываюсь! Почему-то, когда я взбираюсь на сцену во время исполнения матросами лихого моряцкого танца «Яблочко» на праздничном концерте в клубе или декламирования патриотических стихов дочерью комдива Наташей, народ, собравшийся в клубе, начинает сначала улыбаться, а потом зал «катится» от хохота. Это означало, что на сцену вышел я и начал «выступать», как Фрося Бурлакова в фильме «Приходите завтра».

В моём репертуаре были две «коронные» песни: «Журавли» (помните: «Перестаньте рыдать надо мной журавли...»?) и «Песня первой любви». Смысла слов этих песен я не понимал, но чувствовал, что песни хорошие. Интуитивно чувствовал. Немного позже я узнал, что исполнителя «Песни первой любви» звали Рашид Бейбутов, а «Журавли» пели многие. Настоящие же ценители искусства из детской поликлиники на улице Гоголя в Ленинграде и сидящие в зале клуба в Кувшинке считали, что в моём исполнении эти песни звучали по-особому лирично и с большим чувством. Ростом я был не больше валенка. Мама, предчувствуя проблемы, которые возникнут в следующем сентябре, уже заранее договаривалась с портнихой, согласившейся сшить очень маленькую школьную форму. Слова песен я заучивал по пластинкам, которые она, мама, во – множестве привозила из Ленинграда. Я знал их все, но любил по-настоящему только эти две! Как я их исполнял! Как все смеялись. И аплодировали! Отцу же однажды за меня сильно досталось. Я решил спеть перед этими дядьками, сидящими за столом на сцене. Стол был покрыт красной скатертью. Откуда я мог знать, что они назывались Президиумом и сейчас в нём шёл не концерт с песнями, а отчёт с подведением итогов социалистического соревнования по поимке на границе норвежских рыбаков-шпионов. В президиуме сидел сам начальник штаба пограничного флота СССР адмирал Лагуткин!

Когда я закончил гастроль на крайнем Севере, мы с родителями переехали в Петропавловск-Камчатский. Отца перевели на Дальний восток! Я долго не выступал. Кризис творчества! Но талант не может спать вечно! И я опять вышел, а правильнее сказать, вскарабкался на сцену! Через какое-то время я стал опять знаменит и «востребован», хотя такого слова тогда не было. Я выступал везде: в клубе воинской части, школе, дома, на праздничных застольях у друзей и сослуживцев отца. И потом мама поняла, что эту творческую энергию надо куда-то направить. Она купила пианино и от моего имени написала заявление о приёме в музыкальную школу.

В Петропавловске была только одна музыкальная школа и только один преподаватель игры на фортепиано. Его звали тётя Галя. Мама была с ней знакома! Потому что муж тётя Гали, дядя Юра Эпштейн, служил вместе с папой. Сложная иерархия семейно-производственных отношений! Тётя Галя сказала, что на фортепиано поступить будет практически невозможно, потому что всего три места и было очень много детей, претендующих на эти три места. По званию и должности родители этих детей стояли выше, чем мой папа, а это сводило мои шансы практически к нулю! На дудку или баян мама была против категорически. Я же против дудки как раз не возражал! Но мама?! Сын дудочник или баянист её никоим образом не устраивал. Звучит как-то не интеллигентно. Почему-то вся эта военно-морская братия с их жёнами причисляла себя к интеллигенции, хотя никакого отношения к этой «мер-

зопакостной» прослойке общества не имела. Представьте себе командира крейсера-интеллигенту! «Извините, любезнейший, вы нарушили наши территориальные воды, и сейчас мы с вашего позволения по вам «бабахнем» из всех орудий! Ещё раз, извините...». – Это он вражескому эсминцу!!! На самом деле крейсер не может «бабахнуть», крейсер может только «ба. уть»!.. Решили всё-таки рискнуть и подали на фортепиано! На вступительном экзамене надо было воспроизвести голосом пару нот, которые какая – то тётя нажимала, ёрзая по клавишам старенького пианино. Повторить ритм, который эта же тётя выбивала пальчиком по крышке пианино. Но, главное, спеть!

Помните мультик с волком? Волк говорит: «Щас спою!». Приблизительно то же самое творилось и у меня в творческой душе. Очень хотелось спеть, а повода и места, где выступить с репертуаром, давно не было. Узнав, что возможность спеть уже завтра мне предоставится, я впервые за долгое время безмятежно заснул, в то время как остальные претенденты на место «под солнцем» разучивали песенки про Чапаева или «Маленькой ёлочке холодно зимой». Наступил день вступительных экзаменов. Я, уверенный в победе на конкурсе, летел вперёди мамы. Мы слегка опаздывали, потому что это мама! В отношении пунктуальности – это было не к ней и не о ней тоже! Едва успели к первому туру. В числе последних я, ничего не перепутав, нажал и воспроизвёл голосом правильную ноту! Пятьдесят процентов отсеялось! Второй тур я прошёл также легко, как и первый, отбарабанив безошибочно ритм: «та-та-тратата-тратата-та-Спартак!», хотя сам я болел за «Зенит» с шестилетнего возраста! А пока нас оставалось пятнадцать! Отборочная комиссия, «по звонку» расчищая дорогу детишкам городских чиновников, комдивов, начальников всевозможных штабов, продуктовых складов и баз, «сняла с пробега» даже больше чем надо конкурсантов. У этих, оставшихся, даже в случае непопадания в тройку оставалась возможность пойти по классу аккордеона или габоа, например. Или бубна – национального музыкального инструмента корякских шаманов!

Тётя Галя помогала, как могла, и «встроила» меня в самый конец очереди на спеть! Как жалко они пищали про ёлочку, про зайчика под ёлочкой, про однорукого Чапаева. Или совсем дурацкое «Ку-ку, тра-ля-ля...». Осталось трое, наступило время «покорять» зал. Впервые в моей жизни я «взошёл», а не заполз с торца, на сцену! Мне было не впервой. Я заранее знал, что сейчас будет. Зал был заполнен будущими лауреатами и их родителями, и бабушками. Надо было спеть по два куплета из трёх разных песен. «Вы меня не то что всю песню до конца спеть просить будете. Ещё пять раз на бис позовёте! Как минимум!». И запел про «Город над вольной рекой, город нашей славы трудовой!..». Зал оценил, но продолжительных оваций я пока не вызвал – песня не та! Хотя эти, что с блокнотиками, уже что-то в них строчили. Поклонившись публике и поймав вдохновение, я опять запел: «Здесь, под небом чужим, я как гость нежеланный... – и далее: – Сердце бьётся в груди, как мне хочется плакать...». Как я и предполагал, зал сначала замер и... через мгновение «взорвался» смехом и аплодисментами! Мама плакала. Её сын – этот будущий Марио Ланца, нет! – Карузо, только что в присутствии Комдива подводных лодок, Начальника штаба надводных кораблей и Заведующего продуктовой базой тов. Мусихина... Её сын положил зал к своим ногам! Пять раз на Бис! И в заключении – «Песня первой любви!». Заплакали все! Нет – не от умиления, а от смеха! Я к конкурсу уже немного подрос и, наконец, перерос папины валенки, но всё равно смотрелся не то чтобы комично. Я смотрелся круче Чарли Чаплина и Карандаша одновременно! Шесть раз на Бис! Так началась эта тягомотина с музыкальной школой. Гаммы, арпеджио, сольфеджио. А мне просто хотелось выступать и покорять новые вершины: капелла в Ленинграде. Мариинский, Большой, Ла Скала!.. Не вышло! Бедная моя мамочка! Но я до сих пор с удовольствием «блямкаю» на шестиструнке. Сын с дочкой недавно подарили классного «Тэйлора»! И пою! У меня две «коронные» песни. Одна называется «Журавли», а вторая «Песня первой любви».

Коста Рика, 24.11.14.

Тогда в Ангарске

Я рано приобщился к спорту. Эта приобщённость сопровождала меня везде и всюду на протяжении всей моей жизни. Ещё пацаном я по-взрослому разбирался в футболе и даже сегодня через 55 лет легко назову состав «Зенита» из 1960 года. А чемпионский «Зенит» 1984 – еще быстрее. Любил хоккей – какие были имена! Смотрел ещё докондрашинский баскетбол и восхищался платоновским волейболом. Его «Автомобилистом»! Но главной в моей жизни, конечно, была спортивная гимнастика!

Мы жили в Петропавловске-Камчатском. Как-то раз в школу пришёл дядька, и нам сказали, что он будет отбирать мальчиков в секцию спортивной гимнастики. Как тогда звучали имена наших прославленных чемпионов! Шахлин, Столбов, Титов, Азарян. Я ими восхищался и завидовал. И вдруг такой шанс – оказаться в одной компании с ними. Тоже стать гимнастом! Потом настоящим гимнастом, а совсем потом – чемпионом Олимпийских игр! Я даже представлял себе, как я подхожу к Шахлину и говорю... Нет! – лучше к Азаряну. Его легче будет уговорить... И говорю:

– Азарян! Ты же видишь, я на брусьях лучше тебя. Ты вон опять «завалился» на первенстве Союза. – И Азарян, пожав мне руку, говорит:

– Да, пора уступить дорогу молодым! – Потом, смахнув скупую слезу, отдаёт мне свою олимпийскую медаль чемпиона!.. Меня и пару пацанов приняли. Ещё бы они меня не приняли. Я и без подготовки умел кувыряться и делать «колесо», подтягивался двенадцать раз, отжимался двадцать пять, а через «козла» прыгал, как потом выяснилось, по первому юношескому разряду. Просто от природы я был, как заводная машинка, как юла! Прыгал, бегал, кувырчался! Через полгода, а тогда время тянулось бесконечно... казалось, что я уже прожил полжизни, а не полгода. Это сегодня полгода, как неделя. Так вот, через полгода я стал чемпионом Петропавловска по спортивной гимнастике во втором юношеском разряде среди такой же мелюзги, как я сам. Любовь оказалась взаимной! Потом был перерыв, потому что мама устала жить на Камчатке, и мы вернулись в Ленинград. Ей даже в голову не пришло подумать о спортивной карьере сына (Шутка! – Я тогда слова «карьера» ещё не знал, а на тренеровки бегал из чистой любви к гимнастике и к спорту в целом! Мама всё это всерьёз не воспринимала). Через год, вернувшись в Петропавловск, я ринулся догонять ребят, ушедших далеко вперёд. Они делали «шпагаты», фляки, обороты и махи, а я так и остановился на подъёме силой и стойке на руках. Я их догнал, а многих перегнал! В марте я полетел со сборной Петропавловска на первенство Дальнего востока и Сибири в город Ангарск! Азаряну оставалось ждать совсем недолго!

Сегодня я прекрасно понимаю, что происходит и в футболе, и в хоккее, и в гимнастике. Небольшой опыт в спорте и огромный в качестве болельщика и коллекционера спортивных событий позволяет мне почти безошибочно определять результаты матчей, увидеть мысль тренера и отличить договорную игру от натуральной. Разглядеть талантливого спортсмена и «звездившего» тоже. На последнем чемпионате мира по футболу в Бразилии группу, в которой оказались сразу три бывших чемпиона мира и команда ананасово-счастливой Коста Рики, назвали группой «смерти», отведя ребятам с экватора твердое последнее место. Я же, проанализировав составы, увидел, что у этих бывших чемпионов почти нет шансов против Счастливых. Так оно и вышло! Счастливые заняли первое место! Я понимаю, почему не хотят играть в Футбол молодые и талантливые. Те, которые в сборной. Играть за сборную бесплатно, когда на твоих глазах «пилят» миллионы Абрамовича и рассказывают, какой же он всё-таки талантливый этот Фабио! Как здорово мы опять проиграли! Теперь мы всем покажем!.. Поэтому они пока играют в футбол с маленькой буквы и ждут чуда... Ничего себе,

как меня опять «занесло»! На самом деле я хотел сказать, что «звёздная» болезнь одинаково «убивает» и футболиста, и лыжника, и даже юного гимнаста.

А юный гимнаст, надежда камчатской гимнастики, замена Азаряну, ощущая себя вполне великим, настроился выиграть первенство. Но помимо этого хотелось подвигов и ощущений не только спортивных. И выпил втихаря немножечко пива, как Березуцкий и Ко перед тем историческим матчем со Словенией! А на следующий день свалился с брусьев... Азарян усмехнулся, а я не попал в общий зачёт. Хорошо, что мы были уже на чемоданах. Мама опять устала от Петропавловска. Мы собирались в Ленинград. В этот раз насовсем. Оправиться от такого поражения я не смог и великим гимнастом не стал. Скромненький первый разряд. Но даже сегодня, когда две трети моих сверстников не только не могут подтянуться или хотя бы один раз отжаться, я по-прежнему в форме! «Гимнаст!» – говорят знакомые и врачи, когда я оголяю свой торс на пляже или раздеваюсь в медкабинете. Последнее – всё чаще и чаще.

Коста Рика, 20.11.14.

Проект карандаши

Я рано понял, что быть бедным неприлично. Вообще, слово «неприлично» входило в список любимых маминых слов и выражений. Наряду со словами «интеллигентно», «есть надо с хлебом» и «ты мне больше не сын». Последнее чаще всего звучало, когда мама прятала куда-нибудь на чёрный день десять или двадцать пять рублей. Она немедленно забывала, куда спрятала и тут же начинала меня допрашивать: «Где десять рублей?». Несправедливость происходящего меня очень расстраивала. Я не знал, как доказать свою невиновность и подумывал о побеге из дома. Однажды, в процессе допроса, чтобы отвлечься от этой мысли, я взял со стола ножницы и начал стричь ногти на левой руке. Мама, видя что я перестал реагировать на вопросы: «Где деньги? Куда ты их спрятал или потратил?», замахнулась с намерением треснуть меня по макушке. Я закрыл макушку правой рукой, в которой были ножницы, и мамина ладонь наткнулась на них со всего размаху. И в тот же момент она вспомнила, куда спрятала десятку! Но до этого я «перестал быть её сыном» по её же словам, наверное, раз пять. После инцидента мама больше никогда меня не мучала допросами. А я, наоборот, стал активно интересоваться деньгами: «Чем они лучше конфет? Где их берут? Какие они бывают? Что надо сделать, чтобы их стало больше и сколько их надо, чтобы маме хватало?». Со временем я разыскал ответы на все вопросы, кроме последнего. Первый бизнес проект оказался неудачным. В пятом классе с сентября до середины декабря в течении трёх с лишним месяцев я тратил все свои сбережения исключительно на лотерейные билеты, пребывая в твёрдой уверенности, что если купить, например, двадцать билетов, то уж швейную машинку или велосипед гарантированно выиграю обязательно! А если тридцать (на большее я и не замахивался), то это велосипед с мотором как минимум! Три месяца без мороженого, кино и карусели в ЦПКиО! Три месяца сплошного непрекращающегося подвига во имя достижения!.. А потом полное фиаско! Один советский рубль! Другого бы такой удар «подкосил», но только не меня. Немного подработав тактику достижения цели разбогатеть, я сначала накопил нужную сумму, а потом одним «ударом» купил тридцать билетов одной серии с номерами по возрастающей! Как вам?! Никто не додумался, а я запросто! Результат – ни одного рубля вообще! Это был «звоночек». Это было, как провидение! Никогда на протяжении всей своей жизни ни одной копейки или цента не попадало в мой карман не знамо откуда или просто так! Я всегда должен был их зарабатывать, «крутиться», придумывать, изобретать, комбинировать! Но только не выигрывать или находить! На размышления о том, как стать богатым и знаменитым, ушло полтора года. Я изнурял себя гаммами и сольфеджио по прихоти мамы: «Вы бы только слышали, как мой сын исполнил вчера сонату Иосифа Гайдна «Ре мажор диез» в концертном зале дальневосточной китобойной флотилии имени гарпунщика Садыкова! Вы бы решили, что вам это просто снится. Покажи, Володенька, тёте Римме, как ты легко берёшь октаву!». В перерыве между гаммами и сольфеджио я по собственному желанию оттачивал на брусках переворот с перехватом налево в спортивном зале петропавловского на Камчатке спортивного общества «Извержение вулкана». Было очевидно, что Ван Клиберна из меня не получится, хотя мама была другого мнения. Я, конечно, неплохо «брал» октаву, но куда мне было до великих пианистов с моими пальцами, как у трамбониста! Шансов встать в один ряд с великими из сборной Советского Союза по спортивной гимнастике было, на вскидку, больше. Но вскоре и этот проект «забуксовал» после истории в Ангарске. В общем, не быть мне великим ни там, ни здесь! А что такое десять рублей в кармане, когда у других и рубля – то не было, я уже понимал отчётливо. Поэтому, когда я увидел, как в галантерейном магазине на проспекте Смирнова ученица продавца ПТУшница Светка из-под прилавка «втюхивает» карандаш «Живо-

пись» какой-то лошине, я уже через минуту знал, чем буду заниматься в ближайшие годы. Я буду спекулянтом!

Буду! Но сначала надо было «подкатить» к Светке. Родная тётя Тамара жила в Будапеште и иногда привозила что-нибудь на продажу для «поддержания штанов» и на коньяк для дяди Юры, её мужа – десантника. Это что-то в виде маникюрного набора в клеёнчатом футляре я и дал Светке на продажу буквально за гроши. А потом, между прочим, обсудил с ней карандашную тему. За карандашами надо было лететь в Донецк. Билет по удостоверению школьника стоил семь рублей в один конец. В самолёт самостоятельно можно было проникнуть только с четырнадцати. Значит, уже двадцатого апреля можно лететь. С этим понятно. Полечу двадцать первого. Один карандаш стоит десять копеек, цена «реализации» в розницу два рубля! На двадцать рублей можно купить двести карандашей «Живопись». Вычетаем билет в оба конца, томатный сок в буфете с пирожком с капустой туда и с картошкой обратно. Автобус, мороженое... и получается 365 рублей 20 копеек чистой прибыли на двоих со Светкой! Вот это да! И, представляете, всё получилось! С первого раза! Потом было ещё две поездки – полёта в Донецк. Потом «поймали» и уволили Светку, но вкус «больших» денег я уже почувствовал! Вспоминаю это позднее детство и раннюю юность с каким-то чувством утраты. Заработав первые в своей жизни деньги в размере трёхмесячной зарплаты ведущего инженера оборонного предприятия уже в четырнадцать лет, я как бы сразу стал взрослым, перескочив минимум через три года. После этого были фотографии Битлз и Роллинг Стоунз, партия финских нейлоновых носков и совершенно дурацкий с экономической точки зрения проект «Вокально инструментальный ансамбль Колобки». Но это отдельная история. Перепрыгнув через заключительную часть детства, я всю последующую жизнь оставался недобегавшимся, недовалявшимся в грязи, недоигравшимся в лапту, сначала растущим, потом мужающим, а потом и стареющим неутомимым странником, и искателем приключений. Я искал их сначала на Родине, затем в Америке и, наконец, в прекрасной Коста Рике. В странствиях рождались и умирали различные идеи, некоторые воплощались в бизнес – проекты, приносящие нешуточный доход. Но проект «Карандаши» был и остаётся лучшим из всех! Точнее, самым любимым!

Коста Рика, 08.12.14.

Серые глаза

После окончания восьмого класса я, как и все юные спортсмены Дзержинского района г. Ленинграда, поехал в летний спортивный лагерь. Лагерь был не только спортивный. Наши десять больших палаток стояли среди таких же палаток, которые принадлежали «Ленэнерго». И территория тоже принадлежала «Ленэнерго». Здесь отдыхали работники этого учреждения, а вовсе не спортсмены. А мы в лагере набирались «физики», что означает: подкачивали мускулы, «тянулись» и отрабатывали элементы акробатики. Посёлок Серово – место восхитительное: песчаные карьеры, залив, смешанный лес. Только вот лето выдалось «не очень», и после обеда мы из-за дождя практически всё время проводили в палатках у себя или у девчонок-гимнасток, или у девчонок-баскетболисток. Вспоминаю и думаю: «Наверное, это у меня тогда, в лагере, появилась эта странная тяга к женщинам на голову повыше». В первый же день, заслышав звук гитары, доносившийся из соседней неспортивной палатки, я немедленно направился на этот звук, чтобы послушать поближе и познакомиться. Худющий парень, электрик с «Ленэнерго», перебирал струны и пел прокуренным голосом песню про «Дом восходящего солнца». На русском языке её текст был очень душещипательным. Сама песня была крайне популярна и на её мелодию сбегались! Особенно девушки. То же самое произошло и на следующий день, и на следующий. Тощий берёт гитару в руки, и тут же полная палатка девчонок. Твоё дело – выбирай, но лучшая всё равно оказывалась у тощего. Это навело меня на мысль, что не надо быть особенно умным, высоким и красивым, чтобы иметь свой взвод поклонниц. Надо просто уметь играть на гитаре! Будущее доказало правоту моей гипотезы, в особенности, применительно к росту. Она не работала только и исключительно в случае, если вы, извините, дурак. Придя к подобному умозаключению, я немедленно начал срисовывать аккорды и, когда гитара ненадолго высвобождалась, пытался что-то с ними сделать. Через две недели я уже гнусавил «Дом восходящего солнца» не хуже тощего электрика и у меня появилась моя собственная аудитория в лице полненькой девочки Лены и её безымянной некрасивой подружки. К концу смены я укрепился в мысли освоить гитару. Это не должно было стать сложным делом. Не зря же я семь лет учился игре на фортепьяно. Освоил фортепьяно, значит гитару точно смогу! А потом, когда я выучил уже семь аккордов, пришла идея, перевернувшая мою жизнь и поглотившая надолго остаток свободного времени. Я придумал создать вокально-инструментальный ансамбль. Это было время Битлз, Роллинг Стоунз, Манкис и Энималс. Было на кого равняться и где позаимствовать. Поэтому больших трудностей не предвиделось.

Сам себя я назначил соло-гитарой, а на ритм решил позвать моего приятеля и одноклассника по прозвищу Пирог. Он неплохо играл на баяне и по моему разумению с гитарой тоже должен был справиться. Помимо этого, он играл в волейбол и любил портвейн «Агдам» в умеренном количестве. Вакантными оставались бас и ударные. Узнав, что мы с Пирогом не только создаём ансамбль, но и уже даже репетируем всё тот же «Дом восходящего солнца», к нам начал напрашиваться наш с Пирогом приятель Вадик. Слух у него был, но он вообще ничего ни про ноты, ни про элементарные понятия в музыке, например, синкопа, никогда не слышал. Но он так хотел к нам, так обещал всё выучить прямо завтра, что мы с Пирогом решили его попробовать на роль бас-гитариста, совсем забыв о пристрастии Вадика к портвейну. Даже не к портвейну, а к «чернилам» типа «Волжское» или «Фруктово-ягодный вермут». Вадик оказался полезен. У него были знакомые ребята с Петроградской стороны, которые уже года два как выступали на танцплощадках по всему городу и окрестностям. У них было, чему поучиться! Но по-настоящему мне повезло с Колей-барабанщиком. Барабан был его мечтой. Он барабанил на пионерском барабане в пионерском возрасте, а моя новая группа оказалась именно тем местом, где он смог свою мечту превратить в быль. Научив-

шись неплохо «стучать» уже месяца через два, он впоследствии стал профессионалом! Я даже горжусь тем, что фактически я сделал из него этого профессионала. Однако, и у этого музыканта пристрастие к портвейну присутствовало в выраженной форме.

На одной из первых репетиций мы решили выбрать название для нашего квартета. Предлагалось: Колобки, Кактус, Вспышка, Брызги, Серые глаза, Ладошки и Ладушки. Вы бы что выбрали?... Ну, а мы выбрали совершенно дурацкое название по цвету глаз девчонки, которая нравилась троим из нашего квартета. «Серые глаза» – так мы отныне назывались! Лучше бы, козлы влюблённые, по её фамилии группу назвали. Девочку звали Ира Зайцева. А мы бы тогда были «Зайцами» или «Зайчиками». Ну, ладно – это в прошлом. Теперь можно было начать репетировать. Мы начали с того, что позаимствовали парочку песен у Битлз и обязательный «Дом восходящего солнца». Его исполнял на французском языке Пирог. Вообще Пирог, как оказалось, был очень голосистым, а голос высоким. На французском языке он пел потому что учил в школе французский. Помимо этого в репертуар вошли несколько инструментальных пьес от английской группы «Тени», «No more» Рэя Чарльза и «Голубые замшевые ботинки» Элвиса Пресли. Последние две песни исполнял, конечно, я сам. И сейчас могу исполнить, если попросите.

В один из дней на репетицию зашёл директор школы Борис Моисеевич. Постоял, послушал и попросил меня после репетиции зайти к нему в кабинет. Наша беседа свелась к тому, что школа готова приобрести для нас гитары, усилители и небольшую ударную установку, но петь надо «правильные» песни. И никаких Битлз и Роллингов. Я мгновенно согласился. Ведь играть «правильную» музыку мы будем в школе, а на «гастролях» вне школы кто нам запретит играть что захотим? Так оно потом и вышло. Мы играли на танцах у себя в школе, в соседних школах, в техникумах и ПТУ, на свадьбах, в кафешках и даже в фойе кинотеатра «Юность» перед сеансами. И исполняли всё, что нам хотелось. Однажды мы по просьбе того же Бориса Моисеевича приняли участие в каком-то районном конкурсе и победили, по-быстрому выучив и очень патриотично сыграв «Полюшко-поле» и что-то из «Теней».

С учёбой конечно же были осложнения, но в целом мы справлялись. Благосостояние росло. Мы зарабатывали иногда по десять рублей за вечер на танцах. И по двадцать на свадьбах с юбилеями. Но чем быстрее росло наше благосостояние, тем быстрее росли противоречия в нашем творческом коллективе. Я был за совершенствование и рост. Мои коллеги были за радость жизни, которая заключалась в неограниченном потреблении веселящих напитков, вкуснейшим из которых был конечно же «Агдам». Это противоречие в конце концов и привело к тому, что, закончив школу, мы расстались. Пирог поступил в Лесотехническую академию и почти сразу же нашёл себе место ритм-гитариста в факультетском ансамбле. Я несколько раз видел его «в деле» и мне понравилось. Вадик меня обманул и ноты так никогда и не выучил. Бестолковый и совершенно никчемный был парень. Ничего не умел и учиться не хотел. Ушёл в армию и «стёрся». Коля долго тосковал, лишившись ударной установки и самой возможности «стучать». Но ему повезло. На первом курсе ЛЭТИ – института, куда я поступил после школы, – я попал на репетицию институтского ансамбля «Мельники». Там я обратил внимание, что ударник «не очень» и предложил попробовать их руководителю Саше Трофимову моего парня. Они попробовали и безоговорочно взяли Колю к себе, где он и поднялся до профессионального уровня. Сам я несколько раз порывался вернуться в музыку, однако сложности первого года обучения в институте, тренеровки за сборную факультета по гимнастике, а затем увлечение стройотрядами поставили крест на моей музыкальной карьере. Но воспоминания о двух годах тесной дружбы с гитарой, выступлениях, многочисленных поклонницах конечно же греют до сих пор. Заставляют улыбаться и грустить одновременно. Иногда в компании за столом меня просят что-нибудь «сбацать». Я

беру гитару и пою что-нибудь из Битлз или Элвиса Пресли. Вхожу в образ и представляю, что я опять стою на сцене в каком-нибудь техникуме или ресторане. Народу нравится!

Коста Рика. 31.01.15.

Барахолка

Весна 1967 года. Я заканчивал девятый класс. Девчонка парикмахерша, случайно «задевшая» ножницами моё ухо до крови, в попытке реабилитироваться рассказала откуда у неё такие красивые клеёнчатые сапожки. Сапоги привёз из Гродно её брат – дальнобойщик. Он купил их на гродненской толкучке в километре от границы с Польшей. Каждое воскресенье на границе, якобы, вводился упрощённый режим её пересечения со стороны Польши, и поляки везли на толкучку новомодные разноцветные перламутрово-клеёнчатые сапожки, кофточки и польские джинсы.

Приняв на веру информацию, полученную от парикмахерши, я стал думать, как её использовать. Этажом ниже в моём подъезде жил дядя Боря. Всем своим видом и белозубой улыбкой он олицетворял успех. Прекрасно одевался. На работу на такси, с работы на такси, обед в чебуречной на проспекте Смирнова или в «Околице» на Приморском шоссе. Ему было двадцать девять лет. Тётя Элла, его жена, была занята тем, что отслеживала его перемещения и встречи, постоянно ловила в «неправильных» местах не с теми и не того пола. После удачной «охоты» по вечерам на восьмом этаже разворачивалась Сталинградская битва, из которой победителем всегда выходила тётя Элла. Я дядю Борю любил и восхищался образом жизни, которую он вёл вопреки проишкам жены. Я, конечно, ничего не знал о его делах, но догадывался, что финская рубашка, английские ботинки и роскошный плащ «Болонья» куплены им не на зарплату инженера, потому что цены на хорошую импортную одежду и обувь я знал уже тогда.

Мне хотелось показать дяде Боре, что я тоже кое-что понимаю в этой жизни, и я рассказал ему про гродненскую барахолку. Выслушав мой рассказ, дядя Боря оживился и предложил смотаться в Гродно вместе. Я, чтоб было не скучно, предложил поехать с нами моему приятелю и однокласснику Коле, а дядя Боря прихватил за компанию друга Марика, которого я до этого не знал. С Варшавского вокзала в Ленинграде мы уехали в пятницу вечером, а приехали на барахолку в Гродно в воскресенье утром.

Это был обыкновенный колхозный рынок. Но помимо картошки и огурцов народ действительно приторговывал тряпками. Любыми тряпками, только не клеёнчатыми сапогами. Я полчаса бегал по рынку, но так ничего и не нашёл. Вязаные носки – пожалуйста. Заячьи шапочки – не вопрос, любого размера! Сапоги?... Нет такого товара на гродненской барахолке. «Таак, – думаю, – мало того, что ухо мне чуть не отстригла, так ещё и про барахолку наврала. Хорошая девочка!.. Бл. ь». Подошёл дядя Боря и спросил: «Как ты думаешь, как называют баламутов, которые взрослых и очень серьёзных людей напичкивают небылицами?». Мне не оставалось ничего, кроме как сказать, что знаю. И перечислил возможные варианты: баран, говнюк, трепло, брехло и подобное этому. «Нет! – сказал он. – Не так всё просто. Ты пи. дюк!». И больше не обижался. А тут как раз подбежал Марик с двумя парами именно тех сапожек. Розовых, перламутровых, клеёнчатых и очень красивых. Он купил их по тридцать рублей пара. Больше сапожек на толкучке не было. Они-то хотели купить не две, а двадцать пар сапог! Но судьба распорядилась по-своему. Через час бесплодного времяпрепровождения дядя Боря смог достать только ещё одни кремового цвета сапожки для жены. Тёти Эллы. Купил дорого, за сорок, и толком не рассмотрев. Позже, уже по дороге на вокзал, оказалось, что оба сапога – левые! Поэтому у меня к уже полученному от дяди Бори прозвищу «пи. дюк» добавилась приставка. Теперь я был «выдающийся пи. дюк».

Мы с Колей сапогами не разжились, но купили очень дёшево по паре польских джинсов, что тоже было не так уж плохо. Теперь надо было возвращаться домой в Ленинград, а поезд только завтра. Но зато нам удалось узнать, что сегодня на Ленинград идёт поезд из Бреста. А туда можно успеть доехать на автобусе. В автобусе помимо нас ехала шумная

цыганская семья. В одной из цыганок дядя Боря узнал ту, которая ему продала на толкучке два левых сапога. Выяснив, кто у цыган главный, он с ним тут же договорился, и цыгане всего за пятнадцать рублей сапоги забрали назад, чтобы опять за сорок продать следующему лоху. На радости, что удалось вернуть часть потерянных денег, дядя Боря предложил это отметить и достал из портфеля бутылку «Варцихе». Тогда я впервые попробовал этот чудесный напиток. С тех пор он для меня надолго стал главным в галерее коньяков, которые в те годы в изобилии заполняли полки вино-водочных магазинов.

На поезд мы успели. Дядя Боря с Мариком прямо на вокзале взяли себе в дорогу разнообразной «огненной воды». Мы с Колей закупили пива. Поезд тронулся в путь. Мы открыли пиво, а в соседнем купе весёлая компания, с которой мы все быстро перезнакомились, организовала «пулю» в ленинградку. Наступила очередь моего соседа! Преферанс был не только любимой игрой дяди Бори, но и одной из составляющих его благополучия, о чём никто из нас не знал. Буквально через пару часов с ним уже никто играть не хотел, но рублей пятьдесят он к этому времени у них уже отобрал. Марику было скучно ехать и ничего не делать. Тогда дядя Боря предложил ему поиграть. Марик тут же согласился. Зачем он это сделал? Его друг выиграл у него две пары перламутровых сапог ровно за пятнадцать минут. Марик в течении часа пытался отыграть сапоги обратно, чем ещё больше усугубил своё положение, оставшись без плаща и кожаного пиджака. Правда, друг плащ ему позже вернул – размер не тот! Да и поношенный изрядно. Потеряв интерес к игре, наши старшие товарищи, допив до половины уже вторую бутылку хорошей белорусской водки, стали зато проявлять интерес к молоденькой проводнице. Она оказалась намного красивее, чем до того как выпили водки. Та позвала подружку из соседнего вагона, тоже «красивую», и вскоре они вчетвером спрятались в служебном купе.

Вечером следующего дня мы вернулись в Ленинград. С дядей Борей отношения после поездки стали намного теплее. У меня был на него тяжёлый компромат для тёти Эллы. Это работало! Марика я больше никогда не видел, а с Колей мы вспоминаем эту поездку уже почти пятьдесят лет при каждой встрече.

Коста Рика, 12.02.15.

Сочинение

Я всегда неплохо справлялся с диктантами, изложениями, сочинениями. Особенно «хорош» я был в сочинениях. Однажды в девятом классе мои фантазии на тему то ли Ленин на броневике в апреле читает апрельские тезисы, то ли Ленин в шалаше в Разливе пишет революционный памфлет, послали на какой-то конкурс. Я получил грамоту. Часто дурачась, я писал стишки-эпиграммы, разные дразнилки. По русскому у меня всегда было твёрдое и бескомпромиссное пять, за что я очень благодарен моим учителям русского языка Анатолию Соломоновичу Иоффе и Борису Моисеевичу Гельфельду. Евреям, эрудитам и блестящим знатокам Великого русского языка. Я с удовольствием и выражением наизусть читал в классе «Бородино» на уроке литературы в пятом классе больше не для того, чтобы получить пятёрку – она и так была моя, – а для того, чтобы услышать от Анатолия Соломоновича: «Владимир, Вы сегодня превзошли самого себя. Чувствуется, что Лермонтов Вам по зубам, мой юный друг!». Юный друг был очень маленького роста, на физкультуре стоял последним, а перед ним весь остальной класс и девчонки. Ему было одиннадцать лет. Однажды, забегавшись на перемене, я не успел «включить тормоза» и продолжал прыгать с парты на парту, когда в класс вошёл Анатолий Соломонович и, выдержав паузу, сказал: «Владимир, Вы сегодня не похожи на себя, Вы не солидны и мне это до крайности удивительно!». На «Вы» мой первый настоящий учитель называл только двух учеников в классе, и одним из них был я!

Борис Моисеевич был полной противоположностью первому учителю. Будучи по совместительству ещё и директором школы, он пользовался, а лучше сказать, использовал свой авторитет, чтобы вбить, заставить, внушить любовь к своему родному языку – Русскому, хотя на самом деле родными языками для него были Иврит и Идиш. Он был крупным, весёлым, жизнерадостным, и однажды в праздник Победы пришёл в школу, одев свой «иконостас» из орденов и медалей. Конечно, парадный мундир Брежнева смотрелся круче, но Борис Моисеевич свой «заработал», командуя полковой разведкой, а второй был простым политруком! Еврей – командир полковой разведки! Это был не риск. Это был смертельный риск. Каждый день, четыре года подряд! Что бы с ним немцы сделали, попади он в плен?... Он прощал нам многое, и мне тоже. Ту грамоту за сочинение я получил благодаря ему. Это он послал то сочинение про Ленина на конкурс.

Три экзамена позади, двенадцать баллов – проходной рубеж, я поступил!!! Оставалась формальность – сочинение! Завтра я вам такое напишу! Будете читать и перечитывать! Завтра наступило, и я взял свободную тему. Чистая ерунда: «Интересное вокруг нас!». Впереди три часа, а написать надо одну страничку, чтобы зачли. Ловлю себя на мысли, что на самом деле вокруг меня лично интересного нет ни-че-го! Нет, так нет – сейчас придумаю. Но так ничего и не придумал! Как ни старался, как ни мучался. Ничего, ну ничего не получалось! «Сдавайте работы!», – прозвучал голос, и я понял, что небеса сейчас рухнут. И это после физики, после письменной и устной математики, из которой еле «выплыл». А что я Борису Моисеевичу скажу?... Сжал зубы, закрыл глаза и понеслось... «Проснулся – интересно! Встал – интересно! Пошёл на кухню – очень интересно!». А она уже идёт по рядам, работы собирает. Перебегаю за последнюю парту и продолжаю писать: «Посмотрел в окно – до умопомрачительности невероятно интересно! Вышел на балкон, а там не просто интересно, там сногшибательно интересно...». И в это время прямо из-под пера мой листок с недописанным «интере...» ложиться в стопку работ других абитуриентов. Страница получилась! Я писал увеличенным в пять раз по высоте и ширине букв почерком. Вышел на улицу профессора Попова, купил в ларьке сразу два больших пива и тяжело вздохнул. Видели бы Вы меня сейчас, дорогой Анатолий Соломонович. Интересно, что бы Вы сказали? Навер-

ное, что-то типа: «Владимир, Вы не оправдали ни моих надежд, ни Михаила Юрьевича! Вы чрезвычайно несолидны!». Живу с этим чувством стыда перед ними обоими уже почти сорок семь лет! Утром следующего дня подхожу к доске со списками. Моя фамилия есть. Вместо «да» или «нет» (за сочинение оценку не ставили) – приписочка: «Зайдите в приёмную комиссию». С дрожью захожу и объясняю суть проблемы, а они хохотать. «Посмотреть на тебя хотели, а так – ДА!».

Всю жизнь я мечтал писать и даже пробовал, но тут же это безобразие прекращал, в очередной раз давая себе слово, что больше никогда! Получалось коряво и косноязычно, хотя и без ошибок. То сочинение про вождя на броневике в апреле в девятом классе было, наверное, тоже корявым – там идею отметили грамотой! Сорок семь лет меня мучил писательский «запор». И только один человек «болел», верил и просил: «Попробуй ещё – у тебя получится!». Моя жена! Всё, что мне удастся написать за тот срок, что мне остался, я буду посвящать ей! А ещё – Анатолию Соломоновичу и Борису Моисеевичу!

Коста Рика, 22.11.14.

Солнце, море, ракушки

Как же давно это было! Даже страшно подумать. Мне было семнадцать, а сейчас почти шестьдесят четыре! По паспорту! Хотя в душе ну никак не больше двадцатипяти. И помню всё, как будто это было вчера. Как странно всё-таки устроена голова человека. Что сказала жена пять минут назад, хоть убей, пытай – не помню! А сорок семь лет назад – помню до мелочей! (Идея: на войну в разведку и в партизаны надо брать здоровых и сильных, но не моложе шестидеятипяти, а для надёжности – шестидесятивосьми. На особо важные задания – от семидесяти и старше! В плен взяли, допрашивают... А ты напрягайся – не напрягайся ни хрена не помнишь! А им тогда какой смысл даже пытаться тебя пытать? Всё равно ни хрена... Только время потеряли. Иди, говорят, дедуля, и больше не балуй!).

Не знаю, как в ВУЗах это сейчас делается. Но в моё юное время, если ты хороший спортсмен, то пожалуйста – специальный спортивный набор! На месяц раньше – для мускулистых и только потом – для умных и отличников. А я и мускулистый гимнаст-перворазрядник, и умный, и почти отличник. Только пение, география и физкультура подкачали. С физкультурой и пением – две отдельные истории. Короче, хоть и с приключениями, а со мной иначе и не бывает, но поступил достаточно легко! День этот хорошо помню – 7 июля 1968 года! Они, дохлые, очкастые отличники ещё только готовиться начинают. Все хотят в институт поступить. А я уже там и завтра в Алупку на Чёрное море отдыхать, потому что устал! Мама (как же я её любил!) выполнила обещанное и двести рублей мне выдала за поступление. А у меня ещё и личные накопления сто. Итого триста! По тем временам совсем неплохо – три зарплаты инженера! Родная тётя жила в Венгрии, и одет я был по тем временам даже для Ленинграда очень неплохо, а уж для Алупки вообще круто! И я улетел в Крым. Один и с тремястами рублями. Почему в Алупку? Да потому что у мамы была астма, и мы последние три года всегда туда ездили. Там маме дышалось! А у меня в Алупке были друзья.

Симферополь. Жара, курортников – море! Троллейбус на Ялту переполнен, и как минимум три ближайших будут переполнены. Перспектива не соответствует моему настрою. Тут подходит дядька и предлагает скинуться на такси втроем-четвером. Получается только чуть-чуть дороже троллейбуса. Немедленно соглашаюсь. Вообще первую треть своей жизни я как правило сначала делал, потом думал. Вот и сейчас тоже. Поехали, но не на такси, а на частнике. Да какая разница! Пятнадцать минут едем – полёт нормальный, двадцать пять минут – нормально. Полчаса едем, и дядька предлагает убить время в дурачка на просто так. Идёт, играем... А потом в какую-то другую игру, но по копейке. Играем... Сюжет известен. Ещё немного, и меня без единой копейки дядьки высаживают на полдороги в Ялту. И как они, суки, узнали, что у меня было триста рублей?! Дальше на перекладных кое-как добрался до Алупки. Сарайчик мне хозяйка сдала без вопросов – не первый год знакомы. Но поесть с дороги не предложила. А так хотелось! И я пошёл к друзьям на студенческую базу Ленинградской Академии Художеств. Как же мы друг другу обрадовались! Они думали, раз я только что приехал, значит сейчас будет много всякой закуски, пива, вина или даже водки. Правильно думали. Так в общем-то и планировалось, но обстоятельства помешали. Я же рассчитывал, что у них хоть что-то после вчерашнего осталось. НИ-ЧЕ-ГО! Продать часы в этот день не удалось. Спать я лёг голодный. А уже завтра жизнь опять сделала крутой поворот.

В шесть утра я был на пляже и быстро насобирав мидий, ныряя почти на пятиметровую глубину. В шесть тридцать я уже не был голодным. Я поджарил мидии на костре, используя вместо сковородки кусок железа, и тут же их съел. Много! Подтянулись ребята из Академии и тоже захотели мидий. Я предложил натуральный обмен: 15 мидий за стакан (7 копеек) белого молодого вина, которое из бочек, похожих на квасные бочки в Ленинграде, разливали

прямо на пляже. Вино и мидии задали правильное утреннее настроение и задолго до обеда я сгенерировал несколько идей, которые будущие заслуженные и народные художники великой страны немедленно принялись претворять в жизнь.

Идея номер 1. Любой ценой достаём 74 копейки и трёхлитровую банку с крышкой. Крышка должна очень плотно прилегать. Покупаем 12 стаканов вина по семь копеек. Переливаем в банку, закрываем крышкой, потом я ныряю и прячу банку в гроте на дне. Там холодное течение. В полдень бочка с вином уезжает с пляжа и больше не возвращается, а на её месте воткнута палка с табличкой «Холодное вино 20 копеек стакан». Далее понятно. Идея работала неплохо, но не долго. Сохранить вино до полудня удавалось редко, точнее, ни разу! Зато мы научились доставать то по 60, а то и по 80 копеек по утрам. Кто пустую бутылку принесёт, и мы её тут же сдаём, кто у сберкассы десять копеек выпросит или на дне моря... Курортники бросают, уезжая. Я не помню, чтобы кто-то из нас к обеду оставался на ногах. Уж больно сильно это молодое белое раскачивало. Плохо только, что питались однообразно – одни мидии!

Идея номер 2. Ищем и находим плоские овальные камешки. Заслуженные вместе с народными их быстренько – быстренько зарисовывают: «Привет из Крыма!» и кипарисик, «Привет из Алупки!» и два кипарисика, и всё в таком же духе. Особенно преуспевал Модильяни. Я уже почему-то не помню, как его в действительности звали, но он успевал размазывать больше всех камешков. А потом требовал из нашего скудного «общака» больше вина, чем выдавали другим. Но его творчество конечно же уступало и по форме, и по содержанию работам в будущем очень известной художницы Танечки Ч. У неё кипарисики были поэтичнее и «Привет из...» поаккуратней. Пока будущие творили я, бегая вокруг Воронцовского дворца и прячась от дружинников, эти произведения искусства «реализовывал» многочисленным курортникам. Так как с сувенирами в ту пору в Крыму было не особенно, товар «шёл» хорошо и рубли текли рекой. А мы перестали питаться мидиями. Потом случилось главное!

В один из забегов вокруг Воронцовского дворца я натолкнулся на мужика. Он сидел на скамеечке и продавал ракушки. Ракушки назывались рапанами. Люди их иногда покупали. Мои художественные поделки смотрелись круче и интересней, но что-то мне подсказывало, что-то подсказывало... что-то... Бинго! Есть идея номер три, и я прямо тут же на месте договариваюсь с Василием Ивановичем (мужика действительно так звали). Василий Иванович оказался водолазом из Мисхора. На следующий день я с моей помощницей и лучшей художницей в моем творческом коллективе Танечкой Ч. набиваю только что выловленными рапанами рюкзак за рюкзаком. Надо было спешить. Запах у неочищенного рапана в любую минуту мог стать невыносимым. А нам на автобус. Из автобуса нас всё-таки высадили километра за два до Алупки. Очень сильно пахло! И даже два рубля, предложенные кондукторше в качестве компенсации, не выручили. Но дело было сделано. До Алупки мы добрались пешком. Там прямо на пляже выварили и вычистили первые двести рапанов. Потом опять «Привет из Крыма» в исполнении моей помощницы, а сверху мебельным лаком, чтоб блестело!.. И наступила хорошая жизнь! Душа развернулась и запела... Какие открылись горизонты... А мысли: «И на хрена мне этот институт...», «Надо жениться на Таньке... В Крыму с шестнадцати можно, а мне семнадцать...», «Скуплю все рапаны в Крыму, фабрику откроем...», «Домой не вернусь...».

Я не женился и не скупил все крымские рапаны, а в назначенное время вернулся к маме в Ленинград. Дядьки, лишившие меня трёхсот рублей по дороге в Ялту, вскоре попались. Выяснилось, что они ждали меня в аэропорту Симферополя заранее по звонку из Ленинграда, где наводчица-буфетчица «вычислила» меня, когда я расплачивался за пиво с бутербродом. Тех же денег, что я привёз с собой из Алупки, хватило на год безбедной студенческой жизни!

Коста Рика, 11.11.14.

Охота

Третий курс. Зимняя сессия 1971-го года была трудной. Надо было пройти без троек, и мне это впервые за два с половиной года удалось. Староста группы Саша Муров давно приглашал на охоту к себе в посёлок Ляды в Псковской области. Меня же абсолютно ничего не держало в Ленинграде и я охотно согласился поехать пострелять зайцев и волков, хотя опыта у меня не было! Я представлял себе охоту, как развлечение избранных; собаки выгоняют зайцев на полянку, я прячусь в стогу сена, пью себе водочку, закусываю салом и маринованным грибочком. Когда зайцы подойдут поближе, моё дело – нажимать на курок и складировать добычу в мешок.

Посёлок Ляды не запомнился. Большую часть времени перед охотой мы сидели в доме у Сашиных родителей, пили «Солнцедар» и ждали, когда спадёт сильный мороз. В минус двадцать идти в лес новичкам не рекомендуется. Но зато мы сходили на танцы в клуб, где я получил от местных пацанов первое и последнее предупреждение. Чтоб к ним на танцы больше ни ногой, иначе будут бить: «А нефиг городским с нашими деревенскими тут вытанцевывать. Девки потом зазнаются и не всем дают..., а у нас с этим не тово – девок мало! Как только подрастут, не успеешь под юбку к ней заглянуть, а она уже в город намылилась с городскими пацанами вошкаться. Тьфу, гады...». А потом наступил день, когда градусник за окном показал три градуса ниже нуля, и мы выдвинулись добывать зверя. С нами пошла Сашина старая собака, а его родители нам в рюкзаки положили хлеб, сало и водку. По замыслу моего напарника мы должны были пройти путь в двадцать пять километров от Лядов до деревеньки Соплюшки, где жил его двоюродный брат, и которому три дня назад Саша послал телеграмму, чтобы тот зарезал поросёнка, раздобыл доброй самогонки и затопил баню, и ждал.

Мы вышли к лесу, когда часы показывали восемь утра. Было темно и холодно, поэтому шли быстро. Собака поняла, что мы надолго и всерьёз, и гавкнув на прощание, побежала обратно в посёлок. Умная оказалась собака. Я же доверился Саше потому что привык доверять ему, как старосте группы. Он был местный и дорогу знал, по его словам, как свои пять пальцев. Следов в лесу было предостаточно, и даже неопытный охотник сразу мог увидеть, что зайцев тут много и другого зверья много. После первого привала часов этак в десять мы в первый раз увидели настоящего взрослого зайца. Он сидел на полянке около стога сена, как и должно было быть, и озирался по сторонам. Ветра не было, и он нас учуять никак не мог. Саша назначил меня вторым номером, сам присвоил себе первый, проинструктировал второго, что и как делать, если заяц решит на него напасть, а сам пошёл в обход, чтобы выйти с другой стороны полянки. Через какое-то время раздался выстрел. Первый выскочил на полянку, а косой бросился в мою сторону. Здоровенный был зверь... Саша за ним... а я с криком Ура! и с ружьём наперевес кинулся ему навстречу, тем самым нарушив только что полученную инструкцию. Заяц, увидев меня, сделал резкий поворот направо и ускакал в лес. Но перед этим я успел в него пальнуть и попал в Сашу. Хорошо, что он в ватных непробиваемых штанах был. Обошлось без неприятностей. Мы это тут же и отметили, закусив салом.

Было не очень холодно, пасмурно, но безветренно. Настроение – блеск! События только что проигранного боя с зайцем будоражили! Следующей встречи с дичью ждали долго, и это был не заяц. Это была полинявшая и совсем какая-то жалкая лисица. Стрелять не стали. Я даже хотел ей дать кусочек хлеба. Саша сказал, что лисы сейчас болеют и шкура ничего не стоит. К полудню потеплело. Наст под сапогами хрустел и иногда проваливался. В один из таких моментов, провалившись выше колена в снег, я вытащил ногу в сапоге, но без подошвы. Подошва оторвалась, жёстко зацепившись об наст. У запасливого старосты

с собой оказалась верёвочка и кое-как мы подошву привязали, но вы понимаете... Теперь надо было думать не об охоте, а как скорее добраться до жилья, пока не отмёрзла нога.

«Смысла возвращаться домой никакого, – сказал, как отрезал, мой напарник. – До дома идти столько же, сколько и до Соплюшков. В Соплюшках баня и самогон, поэтому идём дальше, но быстрее». Больше не отвлекаясь на дичь, мы пошли быстрым шагом. Идти без подошвы было нелегко. Три раза мы останавливались, разводили костёр, отогревали мою ногу, сушили носки и отогревались в целом. У нас ещё не кончился запас. Потом опять в путь, но с пути, когда начало смеркаться, всё-таки сбились. Поплутав в тёмном лесу минут сорок, Саша сказал, что сегодня до места скорее всего не дотянем. Топать ещё километра три, а куда топтать не понятно. Надо устраиваться на ночлег. Но сначала костёр. Быстро насобирав веток, разожгли костёр, а я полез на большую ель, чтобы выбрать место под ночлег. Понятно, что внизу на снегу спать никто не собирался. Там волки, рыси и прочие опасные твари. Поднявшись по стволу ели метров на шесть-семь, я вдруг увидел вдалеке огоньки какой-то деревеньки. Саша предположил, что это всё-таки Соплюшки, и мы тут же свернули лагерь. Организм, настроившись отдыхать, отказался перестраиваться обратно, и эти три километра оказались самыми тяжёлыми. Ноги гудели и не шли, они даже стоять уже отказывались. Напарник, прислонив меня к забору первой же хаты при входе в Соплюшки, а это действительно оказались Соплюшки, пошёл за санками. Более выносливому деревенскому парню с подошвами на обоих сапогах, конечно, было легче, чем мне дохлому городскому с одной подошвой. Мне до сих пор не понятно, как он без компаса, без солнца и звёзд смог пройти со мной на хвосте двадцать пять, а мне показалось, что все сорок километров. По снегу через сугробы, по насту, проваливаясь через шаг, и выйти к намеченной цели без потерь. Не считая подошвы и прострелянных штанов. На самом деле всё понятно. Мы такие, мы именно поэтому всех победили во второй мировой! И в третьей победим, если она будет, не дай боже.

Пока Саша ходил за санками, я, в этот раз обессиленный окончательно, уснул прямо на снегу там, где он меня оставил, прислонив к забору. Как меня грузили в санки и везли к дому, я не помню. Как поили, а потом натирали водкой и укутывали в овечью шкуру – помню едва. Проснулся я ровно через тридцать часов сильный и здоровый, готовый к обратному переходу Соплюшки – Ляды. Саша поменял прострелянные штаны на тоже прострелянные, но заштопанные. А подошву к сапогу его брат приделал так, что было незаметно, что когда-то отлетела. Назад пешком родня не отпустила. Похолодало! Поэтому десять километров от Соплюшков нас везли на мотоцикле с коляской до автобусной остановки. Оттуда автобусом прямо в Ляды. Вот так и закончилась моя первая и последняя «настоящая» охота. В чём радость и удовольствие – не разобрался, но понял, что на охоту, как в разведку, надо идти только со своими.

Коста Рика, 15.02.15.

Бешбармак

Дело было в начале семидесятых. Мой родной институт летом рассылал по всей необъятной территории огромной страны строительные отряды. Одним из «ведущих» направлений был Казахстан, Гурьевская область. Проявив себя неплохим организатором в предыдущие годы, в этом году я поехал в стройотряд штабным работником. Штаб располагался в районном центре Кульсары на берегу одноименного озера. Там же располагались маленькие жилые домики-бараки, в которых проживали недавно освободившиеся теперь уже бывшие заключённые, осуждённые в основном за тяжкое. Из них больше всего запомнилась абсолютно лысая пятидесятилетняя на вид Октябрина и в прошлом работник торговли Володя из Ленинграда. Земляк и тёзка! Только постарше. Лет сорока. В ссылке два года, а всего в казахских лагерях отбыл пятнадцать. За что, конечно, не сказал. На вопрос: «Когда обратно в Питер?» тяжело вздохнул и ответил: «А Октябрину куда? Она не поедет, ей здесь нравится!». На русском языке в Кульсарах кроме этой парочки и ещё двух-трёх бывших зэков не говорил никто. По периметру озера вряд ли можно было найти человека, говорящего по – нашему. В Кульсарах был книжный магазин вперемежку с гастрономом. Там непонятно только для кого стояли на полках книги на русском! Треть зарплаты, заработанной тем летом, я потратил на эти книги. Если вы помните, это было время «макулатурной» литературы. Ажиотаж был высоким. А на этих полках стояло всё! От Пикуля до Дрюона! Там я купил и тут же прочитал за одну ночь «В августе сорок четвёртого или Момент Истины» Богомолова. Никогда ни до, ни после я не читал ничего лучшего о войне, разве что «Волоколамское шоссе».

По ночам на озере наши чехословацкие друзья отлавливали огромных раков, затем запускали их в цистерны. А наутро отправляли по железной дороге в Пильзень в обмен на Пильзенское пиво. Днём на этом же озере я впервые в жизни увидел розовых фламинго. Местные охотились на уток, ловили рыбу и раков. По берегам озера пасли баранов и верблюдов. Районный центр Кульсары был также одной из станций железной дороги Гурьев – Кунград, объявленной недавно всесоюзной ударной комсомольской стройкой!

От Гурьева до Кунграда более семисот километров. Каждые 40–45 км станция. На станции маленький палаточный городок, где под палящим солнцем стоят палатки. В них живут Бойцы ССО! Вообще ССО (Студенческие Строительные отряды) на мой взгляд самый удачный проект Всесоюзной Комсомольской организации, сумевшей не только воссоздать напряжённую обстановку эпохи Павла Корчагина, когда план надо было выполнять иногда ценой собственной жизни, но и развернуть вокруг этой бредовой идеи настоящую борьбу. Борьбу за сроки (самое главное направление борьбы!), борьбу за качество (последнее и самое неглавное), борьбу за перевыполнение, за переперевыполнение, борьбу с лентяями, с нарушителями трудовой дисциплины и самое главное главного – борьбу с любителями пива и портвейна! В этой никогда не прекращающейся борьбе молодые ССОВцы оттачивали любовь к родине, Политбюро ЦК КПСС и лично к товарищу Брежневу Л. И. Ещё они оттачивали непримиримость к классовому врагу, всякого рода отбросам общества типа фарцовщиков, спекулянтов, любителей Рок-н-Рола и квартета «The Beatles». А также предателям родины, возымевшим желание не участвовать в борьбе и вместо этого эмигрировать на историческую родину. А мы им образование бесплатное, гарантированную работу «за идею!», участкового терапевта... участкового милиционера! Почти бесплатного сантехника, комнату в коммуналке!.. В мои задачи штабного функционера входило эту борьбу организовывать и контролировать её ход. Я любил эту работу и преуспевал в организации даже больше, чем в контроле, каждый день открывая для себя всё больше и больше невероятных несоответствий между высказанным бредовым и сделанным на самом деле. Официально моя должность в

штабе называлась Комиссар Районного отряда. Я уверен, что товарищу Павлу Корчагину моя бы работа понравилась!

Чтобы организовать борьбу, мне надо было как минимум доехать до конкретного места борьбы. В одну сторону это было недалеко. Всего двести километров. В то время как в другую почти пятьсот! Интересно, в какую сторону поехали бы вы? Я же поехал на «дальний кордон», чтобы, доехав до конца, потом в течение более двух недель посещать каждый отряд и, организовывая борьбу, возвращаться назад в Кульсары. Там впоследствии я должен был заняться подготовкой к фестивалю студенческой строительной молодёжи.

Проехать пятьсот километров по пятидесятиградусной жаре через плато Мангышлак и плато Устюрт по направлению к Пустыне Кара-Кумы дело не простое. И ехал я не в мягком купейном и даже не в общем плацкартном, а в Столыпинском образца 1913 года сундуке на колёсах с естественной вентиляцией через щели и пулевые отверстия со времён борьбы с каракалпакскими басмачами. Такое же естественное кондиционирование воздуха «на понижение» в ночное время в летний сезон погодой не производилось. Было жарко, как днём. Только темно. В течение почти трёх суток я спасался по подсказке аборигенов чёрным горячим цейлонским трёхслоновым чаем. В кипятке недостатка не было, а чайник у каждого был свой. Туалет не работал. Для облегчения пассажиров раз в два или три часа поезд делал остановку на пять минут прямо посреди плато. А дальше мальчики налево, девочки направо по ходу поезда. С едой проблем не было, потому что, если при сорока градусах можно было попробовать съесть корочку хлеба, то при пятидесяти есть не захотелось никогда в течение всего вояжа на курорты Аральского моря и столицы автономной Каракалпакии города Кунграда! Ближе к Каракалпакии контингент пассажиров начал меняться. Вскоре в моём «купе» сидели исполнители второстепенных ролей в фильме «Белое солнце пустыни» – Каракалпакские аксакалы в белых одеждах. («Даавно здесь сидим...»). Я свою полку уступать не собирался. Ведь не ветераны – же Великой Отечественной в самом деле!? Они и не просили, а просто закурили свои «кизяки», и меня сдуло! Сушёное верблюжье говно! А я привык к «Беломору». На худой конец к махорке! Так и доехали. Они, чавкая вонючими «гуртиками» и восседая на моей полке, а я стоя и не чавкая! В отряде встретили, как героя. Накормили, остудили холодным верблюжьим молоком и уложили спать, предварительно устроив для меня помывку с тёплой водой под душем. Утром я занялся борьбой сразу по всем направлениям и к обеду уже почти закончил. Оставались детали. «Прожектор ударника» светил. Стенгазета с фотографиями командира стройотряда Валерки (фамилию не скажу. Он сейчас то ли полковник, то ли ещё круче в современных органах ЧК) и его верной комиссарши Чижика висели в правильном месте возле столовой. Прогульщиков и бракоделов не было. План в километрах уложенных рельсов выполнялся с опережением. Пиво и портвейн не пили больше не от того, что боялись нарушить наш ударный комсомольский «сухой закон», а просто было не купить и не выменять за отсутствием вообще! Отрядный гимн укладывался в идеологические рамки, волейбольная площадка присутствовала! Над палаткой командира развевалось отрядное знамя! То есть все компоненты борьбы были налицо. Отряд заслуживал похвалы руководства и он её получил. Я решил задержаться на денёк, отдохнуть. С Валеркой мы были знакомы ещё по прошлому отряду, поэтому отношения за пределами палаточного отрядного лагеря мгновенно превращались в приятельские. Вот и тогда он предложил вечером зайти в гости к начальнику участка и попить чаю с сюрпризом.

Начальник участка был рад знакомству, а сюрприз заключался в том, в чём я и так не сомневался. Предложили поесть лепёшек по-каракалпакски. В лепёшку заворачивается, как шаверма, чёрная паюсная икра. Запивается лепёшка водкой и только водкой, желательна комнатной температуры. Иначе это не по-каракалпакски! Икра перед тем как её заворачивают посыпается чёрным перцем. Отказываться нельзя. Принять приглашение нельзя. Вдруг он меня же потом и «вломит». Валерка говорит: «Да расслабься – он нормальный. Он условно

освобождённый и кого-то «вломить» ему просто запахло. Его и так от нашего «сухого» закона тошнит». Не надо было мне дегустировать каракалпакские деликатесы. Назавтра в поезде обратного направления на Кульсары при температуре опять плюс пятьдесят два я хорошо это прочувствовал и осознал. Впредь я решил с «сухим» законом больше не связываться.

Я двигался на северозапад, организовывая борьбу, выходя из поезда и обратно возвращаясь в поезд на следующий день, постепенно продвигаясь к другому районному центру – Бейнеу. Там совершал трудовые подвиги ещё один студенческий отряд, которым командовал Александр Невский! Однофамилец, но не князь и не герой. Они располагались в школе, а не в палатках. Запомнился взрослый орёл Яшка, живущий в собачьей будке и наводящий ужас на дворовых собак. При этом куры, утки, гуси и индюки Яшку не боялись, спокойно поклёвывая рядом с его будкой. Он был их «крышей» и защитой. Людям к орлиному гнезду подходить не рекомендовалось. Запомнилась очень хорошая кухня с большой профессиональной плитой и большим холодильником. Ночью я проснулся от жары. Побродил по школе в поисках решения и залез в холодильник, где и проспал до пяти утра. В пять пришли отрядные повара и затопили печь. Запомнился самолёт – «Кукурузник», на котором А. Невский облётывал территорию вдоль железной дороги 20 км на запад, 20 км на восток. Ещё 25–30 км на юг – карьер! Огромный амфитеатр, шестикратно превышающий по площади старый стадион им. С. М. Кирова в Питере. В карьере добывали белый-белый ракушечник. Идеальный строительный материал! Из него построен белоснежный город Шевченко на полуострове Мангышлак. Я там был и город произвёл... В пятидесятиградусную жару белый ракушечник отражал тепло, превращая воздух над местом добычи в раскалённую сауну, а там работали восемнадцати-девятнадцатилетние Корчагины, которым уже вбили в голову эту чушь про борьбу и отвагу, про отвагу и борьбу. «И вновь продолжается бой! И сердцу тревожно в груди!...». Вот они и падали через день без сознания на белый ракушечник.

Наконец я дома в Кульсарах и купаюсь в изумительных водах воспетого в восточной поэзии озера. Затем недолгий отчёт о поездке перед Мишкой – районным командиром, и спать! Немедленно. Спать не дают. За стенкой красавицу Октябрину, разрисованную от пяток до макушки, лысая макушка тоже разрисована всякими блатными приколами типа: «Век воли не видать!», никак не могут поделить мой земляк Володя и ещё кто-то из наших. Делили на смерть! Казах она к себе не подпускала, потому что по заведённому ещё в царской России правилу казахи охраняли русских, русские охраняли узбеков, литовцы охраняли казахов и т. д. Она не могла подпустить к себе узкоглазого, который бил её, издевался, угнетал, насиловал долгие двадцать лет... Победил Володя и всё затихло.

Миша дал мне два дня отдыха, которые я решил посвятить рыбалке. Ещё мне дали старенький ГАЗ-51, которым управлял личный шофёр второго секретаря райкома партии Темирбек – местный житель, говорящий на хорошем русском (иначе не был бы шофёром второго секретаря – обязательно русского!) и которого на эти два дня мне выдали за отлично выполненное задание по организации вы уже знаете чего. На этом грузовичке я сначала подъехал на базу, которой заведывал Бураш Бурашевич Бурашев. Как вам понравилось это имя? В Казахстане отчество и фамилия в отдельных глухих уголках происходят от имени отца и никогда не меняются. Вот так у Бураша, сына Бураша Бурашева, родился Бураш Бурашевич Бурашев. И сын его будет Бураш Бурашевич Бурашев! А здесь на базе по записке мне выдали Пильзенского пива – два ящика, консервов разных – одна коробка и блок сигарет «ВТ». В двухдневном отпуске «сухой закон» не действовал, и пиво было в самый раз. Кто же был с нами третий?... Кто третий...? Наверное... нет! – точно. Генка Хорьков. Точно он! Кабина тесная, но мы с Генкой тощие, и едем мы на речку Эмба в десяти – пятнадцати километрах от нас. ГАЗ-51 едет по неглубокой колее. Навстречу ему в той же колее другой грузовик.

– Это зампреда машина», – говорит Темирбек и как-то весь напрягся. Сближаемся. Темирбек сжал зубы и придавил педаль газа!

– Темирбек, сворачивай! – кричу я, когда до столкновения осталось не более пятнадцати метров.

– Ни за что! Я главней! – Он закрыл глаза. Я тоже... и Генка. Но столкновения не произошло. Исполкомовский водила оказался слабее нашего, и мы продолжили путь.

Когда мы добрались до рыбного места, уже начинало темнеть, но мы успели поставить сетку, забросить донки и опутать неглубокий омут перемётом. Темирбек вытащил сразу три бутылки Московской особой гурьевского разлива, что было совершенно невероятным сюрпризом. Я взглянул на него по-новому. Темирбек был выходцем из касты воинов, и это объясняло его поведение на дороге. Не мог он, водитель второго секретаря райкома партии, уступить колею машине председателя исполкома. По рангу второй райкомовский был выше первого исполкомовского. А водку он достал и поставил рядом с нашим пивом потому, что был воином из касты воинов. Воин-казах не знает слова «Халява» (Читайте «Волокаламское шоссе»). Водка была ошибкой! Но мы поняли это только на следующий день. Закончили мы поздно, проснулись тоже поздно, но рыбы за ночь наловилось много. Два приличных сома килограмм по двадцать, щук не помню сколько. Мы их просто отпустили, невкусные они ни в каком виде. Два десятка сазанов, жерехов с десятков и мелочь в огромном количестве. Темирбек профессионально расправился с рыбой примерно часа за два-три. Вычистил, посолил и вывесил на солнце. А потом опять начали пить. Моя же печень только недавно освоила «переработку» пива с портвейном в коктейле и по-отдельности и к водке была не готова. Я мучать её не стал. И правильно. С Темирбеком мы были знакомы недостаточно близко, а вот с чего Генка решил, что я умею водить машину, мне до сих пор не понятно. К моменту, когда надо было возвращаться на «базу», эти двое были нетранспортабельны, на ногах не стояли, поляну не видели и «кыш» сказать не могли! Темирбек навсегда, а Генка ещё мог мычать. Я должен был взять управление этим Студебеккером на себя, но как? Я еще ни разу в свои девятнадцать за рулём не сидел! Вдвоём с этим полутрупом Хорьковым мы погрузили Темирбека в кузов вместе с вяленой рыбой. Слава создателю, он создал Темирбека воином, а воины тощие и выносливые. Если бы он был из касты торгашей, как Бураш Бурашевич Бурашев, то там бы на речке и остался. А я впервые сел за руль, как тот пацан в фильме «Последний дюйм». Генка рядом. С пятой попытки я включил первую скорость и поехал прямо в реку. Испугался и попал левой ногой в педаль тормоза. Машина заглохла! Завёл, поехал не туда, заглохла! Завёл, поехал не туда, заглохла! Нет! – так не годиться. Надо проанализировать. Генка мычит. Толку с него по-прежнему, как с козла. А я-таки разобрался, как включается задняя и первая и на первой к утру доехал до базы. Начиналась подготовка к фестивалю.

Фестиваль – это когда в определённое место съезжаются люди и вместе с пионерами маршируют к памятнику лысому. Поднимают знамя, зачитывают приветствие от имени... рапортуют... и т. д. Поют, танцуют, декламируют, играют в футбол, волейбол, баскетбол, перетягивают канат, бегают, обедают и едут по домам. Забота о проведении этого праздника счастья, молодости и силы целиком на Районном комиссаре, то есть на мне. Для того, чтобы праздник состоялся, нужно содействие местной администрации, а она, эта администрация, в полном составе не говорит по-русски ничего. А я за месяц по – казахски только и выучил: «Студентын машинын бар?» и «Не килиб атирсан?». Ситуация... но не для меня. Районный отрядный мастер Вася Кирсанов оказывается полжизни прожил в Оренбурге, а там все говорят по-казахски. Но мы этим секретом ни с кем не делились до поры – до времени. Вася и я, захватив с собой Темирбека, в условленное время идём в Райсовет. Туда же по предварительной договорённости «подтягиваются»: завбазой тов. Бурашев – обеспечение продуктами и питьём, зав. столовой тов. Бурашев младший – обеспечение готовыми ком-

плексными обедами, второй зам. председателя райисполкома, остальные (электрик, связист, завмедпункт, завстадион и присоединившиеся, желающие пожить). Человек двадцать собралось. И никто кроме Темирбека по-русски ни фига. Вася в запасе! Зампред открывает и что-то говорит долго. Темирбек, краснея, переводит. Хороший он был парень, Темирбек. Он же не мог перевести председателя по-всамделишному. Он же свой, местный. И, к тому же воин, а воин своих не сдаёт! Он врал и краснел, тем самым давая нам понять, что врёт, хотя это для него очень непросто, потому что воин не врёт! Из двух напастей – сдать своих или соврать чужим, Темирбек выбрал второе. Мы его за это осуждать не стали. У нас был свой план... Вася всё – всё понимал, но виду не подавал в соответствии с этим планом. То, что на самом деле говорил зампред в своём вступительном слове сводилось к следующему: «Бурашевым: – этих русских приедет много, человек пятьсот. Надо выписать продуктов на тысячу, а приготовить на триста, сократив порции до неразумного. Пусть сами разбираются, кто двести съел. Медпункту: – надо списать двадцать литров спирта на промывку желудков отравившихся. Бурашеву: продукты просроченные и списанные все давай в общий суп, но смотри, чтоб молодёжь мне тут не потравить, а то действительно спирт придётся тратить, а нам самим давно не хватает и всё такое... Прокипятите получше и подольше...». Ещё он что – то говорил про дрова на наш комсомольский костёр. Мол, дрова выписывай – себе возьму. И бензина три канистры, чтобы костёр развести, мне и первому партийному прямо домой чтоб привезли. Остальное не помню. Они ещё что-то пообсуждали, поговорили, а потом слово попросил Вася! Я не буду в деталях рассказывать, какой эффект произвело выступление Василия на хорошем казахском языке. Он им объяснил всё, что касается продуктов и столовой в первую очередь: «Продукты со склада мы будем принимать сами, взвешивать сами и в столовой будет наш представитель в лице санитарного врача. Поэтому номер с просроченными и списанными продуктами не пролезет! Полноценных порций комплексных обедов будет ровно по списочному составу бойцов! Это без вариантов. Спирт, бензин, дрова выпи-сывайте, сколько захотите – вам сидеть! Мы не подпишем!». С нашими доводами вынуждены были согласиться. Фестиваль начался в назначенный день и час и быстро закончился! А у меня опять образовались три дня выходных!

День я валялся на пляже на озере, восхищаясь розовыми фламинго, расположившимися на маленьком островке в пятидесяти метрах от берега. Я подплывал к ним почти вплотную, не вызывая страха. Они же как лебеди вытягивали в мою сторону длиннющие змеиные розовые шеи с маленькими головками, что-то курлыкали, но это не выглядело угрожающе. На следующий день Темирбек, всё еще чувствующий передо мной вину за неточности перевода в кабинете у председателя Райисполкома, предложил загладить вину поездкой на бешбармак к своему дяде. В этой степной, а на самом деле пустынной части Казахстана, дороги были хорошие. Точнее, куда не поедешь, везде хорошая степь-пустынная зеркально-идеальная ровная дорога. Отполированная ветрами! Как казахи ориентируются и находят друг друга, кочуя с места на место, для меня тогда было и сейчас остаётся загадкой. Мы двигались зигзагообразно по этому казахскому автобану пока зоркие соколиные глаза Темирбека не приметили вдалеке юрту. Сразу оживившись, он прибавил газу. Не доезжая до юрты с километр, он начал гудеть и так и прогудел до самого конца. Встретили нас всей семьёй. Дядя Темирбека – маленький сутулый чабан без определённого возраста. Его жена, тоже без определённого возраста, и шесть дочерей от двенадцати до двадцати двух. И ни одной особи мужского пола. Это объясняло, почему чабан имел такой грустный взгляд и облик в целом. Вокруг юрты паслись бараны, их охраняли овчарки. Две маленькие лошадки и три огромных одnogорбых верблюда довершали картину: «Юрта многодетного казаха в степи утром». Темирбек о чём-то долго разговаривал с дядей, жестикулируя и меняя интонации голоса с мягкого на жёсткий и обратно, постепенно увеличивая скорость изложения какой-то очень важной мысли. Дядя кивал и соглашался. Я же, ничего не понимая, от разговоров

устранился. Потом Темирбек с дядей сходили в отару, выбрали молодого барашка и тут же лишили его жизни, принеся в жертву будущим участникам пиршества. Разделали на куски и положили во внушительных размеров казан. Женщины дяди занялись огнём, все семеро. Девочки совсем молоденькие и постарше, и одна женщина «за двадцать» – все как-то по-особенному на меня посматривали и хихикали. Я и не догадывался, что прямо здесь в юрте старого чабана на меня готовилось покушение. Правильнее сказать, не на меня, а на мою свободу. Нет! – они не собирались захватывать меня в рабство, превратив в батрака, проживающего тут же в яме. Или за выкуп. Они получили от племянника информацию, что есть у них в Кульсарах русский, неженатый и очень большой начальник, которого слушаются и которого даже председатель исполкома не смог обмануть вместе с Бурашевыми. Теперь они хотели попробовать выдать за меня замуж любую из дочерей от двенадцати до двадцати двух лет отроду. Или сразу двух... или трёх. Можно даже без колыма. Для этого меня надо было сначала напоить, потом набить моё пузо молодой вкуснящей бараниной и положить спать в обнимку с юной красавицей. Девчонки, кстати, были хорошенькие все. На вид мне было по их казахскому разумению лет неизвестно сколько. Чисто визуально мне могло быть от пятнадцати до тридцати или больше. Так же, как мы не понимаем возраста китайцев или японцев, так и они не умеют определять наш. Казахи – те же японцы. Даже язык чем-то перекликается. Они не могли угадать, сколько же мне лет по – настоящему. Недоразумение усугублялось тем, что я Бурашева «сделал» вместе с председателем. Значит умный! Значит не меньше, чем двадцать пять, значит богатый! Надо брать! и, желательно, живём! Не вышло! Темирбек, подлый предатель. А ведь я его «бесстрашным воином» окрестил. Он забыл, что водку я не пью, потому что печень не умеет! А портвейна у них не было. И пива не было. Операция была на грани срыва. Они мне что-то в чашку с зелёным чаем подсыпали, – я случайно опрокинул. Они девчонок по обе стороны от меня за столом, правильнее, за ковром на подушечки посадили, – я ноль внимания! Имена у девчонок звучные: одна Алтын (золото), другая Гэухэр (бриллиант), а я всё равно ноль! Мне другую пару красоток подсаживают, – ничего меня не берёт! Напуганный год назад перспективой раннего брака не по любви, я с тех пор позволял себе потерять бдительность только в присутствии мамы...

Бешбармак! Как это вкусно и негигиенично! Прямо на середину стола-ковра ставится дастархан – низенький столик, покрытый скатертью, а на столик водружается казан с готовым бешбармаком – крупными кусками порезанной баранины, приготовленной со специями как-то по-особому и очень, повторяюсь, вкусно. В казан сотрапезники опускают руки по очереди и, выловив кусок мяса, закладывают себе в рот. Обедая с любимой или с любимым, закладывать мясо следует в рот последнему, а не себе! У казахов принято после каждого закладывания обмывать руки в чаше с солёной водой или, если чаши нет, то вытирать руку о собственные волосы или штаны. Потом опять в казан по часовой стрелке! Пока мясо не закончится. А начинается трапеза с вручения бараньей головы самому почётному и уважаемому! Семья чабана выбрала в «самые» меня. Это был их последний шанс! Я, наверное, по их замыслу должен был умилиться и со слезами благодарности согласиться забрать половину их красавиц к себе в гарем. По понятиям старого чабана у парня с такими данными и задатками гарем должен был состоять как минимум из шести жён и четырнадцати наложниц. И мне вручили большую баранью голову, с которой я не знал, что делать. А делать надо было вот что. Получив в руки варёную голову барана, следовало рукой же выковыривать из неё куски чего-то и по очереди раздавать сотрапезникам под одобрительные возгласы остальных. Я же вместо этого взял да и вернул эту голову обратно в казан! Что меня сподвигнуло и подтолкнуло! Зачем? До сих пор не пойму, что это было!? У каждого, наверное, в жизни так когда-нибудь случается. Как прозрение, провидение, спасение, как судьба! Это был спасительный бросок бараньей головой в казан-корзину! Отношение к моей персоне изменилось на сто восемьдесят градусов мгновенно. Я перестал быть желанным и почётным

гостем. Меня даже попросили немедленно уступить почётное место Темирбеку. Я обидел чабана и всю его семью! Даже не попив чаю, мы с Темирбеком ретировались. На него было жалко смотреть, и всю обратную дорогу мы молчали. По прошествии сорока с лишним лет иногда в голову стучится настойчиво одна и та же мысль: «А может зря я тогда в баскетбол бараньей головой сыграл? Дал бы дядя Темирбека в приданное пару-другую верблюдов, два десятка баранов по пять за каждую дочку. Глядишь – и жизнь можно было бы начать сразу с хорошей трёхкомнатной квартиры где-нибудь на проспекте Мориса Тореза, «Жигули» третьей модели, собственный шиномонтаж по купленному патенту...».

Подходит к концу «третий семестр». До возвращения домой в Ленинград остаётся чуть больше двух недель. Миша – командир попросил съездить в ближний от Гурьева отряд, которым командовал пятикурсник Лев Львович Львович (почти Бураш Бурашевич Бурашев). Кстати, у этой парочки было много общего, оба толстенькие и говорливые. Но я отвлекся. Целью поездки в отряд Лёвы Львовича была обычная проверка соблюдения правил техники безопасности. В соседнем районе произошёл не очень серьёзный несчастный случай. Кто-то сам себе по лбу молотком, вот и поднялась волна проверок, инспекций, выговоров и даже строгих выговоров. Вспомнился случай, когда в прошлом году ребята играли в выходной день в футбол с местными школьниками. Прошёл дождь, и поляна была мокрая. Один из играющих поскользнулся и сломал лодыжку. Командира отряда сняли с выговором, комиссару – строгий выговор, а приказом по всему районному строительному отряду в футбол запретили играть повсеместно. Бред! Но правда! Это действительно так и было. Борьба приобретала всё более решительные формы! Мне и самому хотелось съездить к Лёве Львовичу. У него мастером работал мой приятель Парамон! Он, когда приезжал на фестиваль, приглашал на рыбалку. Говорил, что у них в речке Сагизке сазаны по метру! Поездом ехать не хотелось, наездился! Темирбек обиделся и со времени нашей поездки на бешбармак к дяде меня сторонился. Я попросил Васю позвонить на автобазу и узнать, не идёт ли в ту сторону какой-нибудь транспорт. Оказалось, что да – завтра утром именно в ту сторону идёт ЗИЛ-130 с прицепом и щебёнкой. Меня возьмут в кабину для компании третьим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.